

The stage of exciting a criminal case: how to resolve vicious contradictions?

Sergey ROSSINSKIY¹ Surayyo RAKHMONOVA²

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
High School Judges with the Supreme Judicial Council of the Republic of Uzbekistan

ARTICLE INFO

Article history:

Received July 2021
Received in revised form
20 July 2021
Accepted 15 August 2021
Available online
15 September 2021

ABSTRACT

The article deals with the problems that are the subject of many years of discussion about the further prospects of the stage of initiating a criminal case. Based on the results of previous studies on the problems of pre-trial proceedings, the authors are trying to identify the true reasons for the emergence of the stage of initiation of a criminal case. As a result, it is concluded that the question of the further fate of the stage of initiation of a criminal case can be resolved only in the context of a clear understanding of the prospects for further development of the entire system pre-trial proceedings.

2181-1415/© 2021 in Science LLC.

This is an open access article under the Attribution 4.0 International (CC BY 4.0) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>)

Стадия возбуждения уголовного дела: как разрешить пресловутые противоречия?

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы, составляющие предмет многолетней дискуссии о дальнейших перспективах стадии возбуждения уголовного дела. Основываясь на результатах предыдущих исследований по проблемам досудебного производства, авторы пытаются выявить подлинные причины возникновения стадии возбуждения уголовного дела. В результате делается вывод, что вопрос о дальнейшей судьбе стадии возбуждения уголовного дела может быть разрешен лишь в контексте четкого понимания перспектив дальнейшего развития всей системы досудебного производства.

¹ doctor of Law, Chief Researcher of the Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
E-mail: s.rossinskij@gmail.com.

² doctor of Law, associate professor, head of the Department of Criminal Law High School Judges with the Supreme Judicial Council of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan
E-mail: raxmanovasurayyo@gmail.com

Как известно под возбуждением уголовного дела в российской правовой доктрине, законодательстве и правоприменительной практике понимается дебютная стадия уголовного судопроизводства, предполагающая систему правоотношений, предопределённых поступившим в адрес государства первоначальным сигналом о преступлении. Ее сущность заключается в установлении органами дознания и предварительного следствия оснований для начала (для «открытия») нового досудебного производства, для возникновения и последующего развития уголовно-процессуальных отношений, входящих в содержание следующей по порядку стадии – предварительного расследования. Лишь только после установления этих оснований, а также наличия предусмотренных законом правовых условий и издания соответствующего процессуально-распорядительного акта – постановления о возбуждении уголовного дела органы дознания или предварительного следствия приобретают полный спектр государственно-властных полномочий, подлежащих использованию в ходе досудебного производства, в частности по проведению любых следственных либо иных процессуальных действий и собиранию (формированию) полноценных доказательств, по применению любых предусмотренных законом мер уголовно-процессуального принуждения, по вынесению процессуальных, в том числе юрисдикционных и «статусных», решений и т.д.³ Возбуждение уголовного дела – справедливо писал М.С. Строгович – это правовое основание для всех последующих процессуальных действий[19]. Акт возбуждения уголовного дела – отмечают В.М. Корнуков, В.А. Лазарев и В.Д. Холodenко – служит своеобразной точкой отсчета возможности использования всего арсенала средств уголовного процесса [12]. А основная цель данного этапа досудебного производства состоит в разрешении по существу единственного уголовно-процессуального вопроса: о необходимости осуществления производства по новому уголовному делу (быть или не быть уголовному делу!).

Стадия возбуждения уголовного дела начинается с получения органами дознания и предварительного следствия сообщения о совершенном или готовящемся преступлении (так называемого повода для возбуждения уголовного дела) и заканчивается одним из процессуальных решений, обуславливающих переход уголовного процесса на новый этап развития (о возбуждении уголовного дела, о передаче материалов мировому судье) либо предполагающих отказ государства от дальнейшего производства, то есть как бы возвращающих вектор развития правоотношений в «допроцессуальное» состояние, на «исходную позицию» (об отказе в возбуждении уголовного дела). А содержание этой стадии сводится к осуществлению доследственной проверки поступившего сообщения о преступлении, проводимой как путем производства ряда следственных и иных процессуальных действий, допускаемых до принятия решения о возбуждении уголовного дела (осмотра места происшествия, трупа, предметов и документов, освидетельствования, судебной экспертизы и некоторых других), так и посредством различных непроцессуальных мероприятий, находящихся в компетенции правоохранительных органов вне зависимости от наличия либо отсутствия правового режима, установленного УПК РФ (получения объяснений, истребования предметов и документов, осуществления оперативно-розыскных мероприятий и т.д.).

Ввиду специфического характера стадии возбуждения уголовного дела, ее нахождения как бы в «предпроцессуальном» поле, то есть до принятия решения,

³Так в одном из решений Конституционного Суда РФ отмечается, что актом возбуждения уголовного дела начинается публичное уголовное преследование от имени государства в связи с совершенным преступным деянием и создаются правовые основания для последующих процессуальных действий органов дознания, предварительного следствия и суда. См.: постановление Конституционного Суда РФ от 14 января 2000 г. № 1-П.

предопределяющего полноценное «открытие» нового досудебного производства, этому этапу уголовно-процессуальной деятельности присущи достаточно серьёзные доктринальные и нормативно-правовое противоречия, вызывающие на протяжении длительного времени большие затруднения в повседневной следственной практике[1]. Так, с одной стороны, вытекающий из смысла закона запрет на производство до возбуждения уголовного дела многих, в том числе достаточно безотлагательных, следственных действий (допроса, обыска, выемки и др.), обуславливающий их вынужденную замену близкими по характеру не процессуальными мероприятиями (получением объяснений, досмотром и др.) приводит к необходимости неоднократного (как бы двойного) получения одних и тех же сведений, установления одних и тех же обстоятельств. Вначале эти сведения собираются непроцессуальными способами – для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, а затем еще раз, но уже в процессуальном порядке (посредством тех самых запрещенных в ходе доследственной проверки сообщения о преступлении допроса, обыска, выемки и др.) – для формирования полноценных доказательств. Вполне очевидно, что подобные алгоритмы приводят лишь к искусственному «раздуванию» объемов уголовных дел, к увеличению и без того большой нагрузки, возложенной на органы дознания и предварительного следствия, а также создают препятствия для надлежащего проведения первоначального этапа расследования (для расследования преступлений «по горячим следам»), что влияет на ослабление доказательственной базы.

Особую актуальность эти проблемы приобретают при необходимости созиания тех сведений, которые в принципе не подлежат повторному восприятию и поэтому не могут быть получены сначала в непроцессуальном, а затем в процессуальном порядке. Например, обнаруженное и изъятое при досмотре задержанного лица наркотическое средство, уже не может быть заново найдено в ходе его личного обыска; обнаруженные и изъятые в ходе оперативного обследования помещения предметы либо документы, не могут быть заново найдены посредством обыска данного помещения и т. д. (если конечно не возвращать все эти объекты на прежние места, не «запихивать их назад»). И в этой связи сотрудники органов предварительного расследования нередко идут на различные ухищрения, изобретают «обходные пути», которые по сути сводятся к банальному игнорированию требований закона. В частности, в современной следственной практике можно встретить множество случаев подмены (а фактически маскировки) обысков осмотрами мест происшествия при задержании с поличным подозреваемых в совершении преступлений коррупционной направленности (взяткодателей, взяткополучателей, посредников и т.д.) или использования результатов непроцессуальных досмотров, а также всевозможных «добровольных выдачей», «изъятий» и тому подобных действий неопределенной правовой природы в качестве полноценных доказательств[16].

Однако эти алгоритмы нередко приводят и к снижению познавательной ценности тех сведений, которые вполне подлежат повторному восприятию, например, устной информации, сообщаемой очевидцами преступления. Давая непроцессуальные объяснения непосредственно после случившегося, они способны наиболее подробно, до мельчайших деталей описать какие-либо обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела (место преступления, внешний вид и отдельные действия совершившего его лица и т.д.). Тогда как будучи вызванными на допрос в качестве свидетелей по прошествии некоторого времени (после возбуждения уголовного дела) ввиду понятных причин они уже не могут сообщить столь исчерпывающие сведения, дать столь обстоятельные показания. Причем для восполнения указанных пробелов в правоприменительной практике нередко применяется совершенно недопустимая и противоречащая самому смыслу

процессуального доказывания прикладная технология, заключающаяся в фактической замене полноценного допроса свидетеля дословным переписыванием в протокол сведений, ранее сообщенных данным лицом в непроцессуальной форме.

С другой стороны, проводимая в строго определённом законом порядке, осуществляемая под надзором прокурора, предполагающая возможности судебного обжалования, завершающаяся изданием обоснованного и мотивированного правоприменительного акта об «открытии» нового досудебного производства стадия возбуждения уголовного дела – это существенная процессуальная гарантия обеспечения законности всего дальнейшего предварительного расследования и судебного разбирательства. Являясь своеобразным юридическим барьером между проводимыми в достаточно свободном режиме непроцессуальными мероприятиями правоохранительных органов и действиями тех же самых органов, но отвечающих требованиям процессуальной формы, эта стадия способствует правомерности уголовного преследования, снижает вероятность «полицейского» произвола и риски необоснованного ограничения прав и свобод личности [14].

Указанные противоречия заставляют ученых, практических работников, представителей органов государственной власти, общественных деятелей и других специалистов вновь и вновь возвращаться к обсуждению вопроса о дальнейшей судьбе стадии возбуждения уголовного дела, побуждая к бурным дискуссиям. Так многие правоведы уже не первый год выступают за полную ликвидацию возбуждения уголовного дела как самостоятельного этапа досудебного производства. Например, С.Е. Вицин выдвинул идею о придании институту возбуждения уголовного дела современного облика, обусловленного полным и безоговорочным отказом от доследственной проверки сообщений о преступлении. Автор считал целесообразным возбуждать уголовные дела и приступать к предварительному расследованию незамедлительно после получения соответствующего повода [4]. Схожую позицию занимает и А.П. Кругликов, который обращает внимание на бесполезность стадии возбуждения уголовного дела в целом и доследственной проверки сообщения о преступлении в частности. Он предлагает признавать началом предварительного расследования факт получения органом дознания или предварительного следствия заявления или иного сообщения о преступлении [13]. Эту же точку последовательно отстаивает и Б.Я. Гаврилов, который, основываясь на больших массивах эмпирических и статистических данных, учитывая собственный опыт многолетней следственной практики, уже неоднократно заявлял о необходимости ликвидации данной стадии уголовного судопроизводства, в том числе об изъятии из УПК РФ положений, регламентирующих порядок возбуждения уголовного дела и отказа в возбуждении уголовного дела [7]. Аналогичные либо близкие взгляды можно встретить и в целом ряде других публикаций [8]. А в последние годы ученые стали подкреплять данную научную позицию еще одним весомым аргументом – опытом некоторых государств, возникших на постсоветском пространстве (Украины, Грузии Казахстана, Киргизии и др.), уже отказавшихся от возбуждения уголовного дела как от автономной стадии уголовного судопроизводства и упразднивших соответствующие процессуальные механизмы.

Существует и противоположная точка зрения, сторонники которой ратуют за сохранение стадии возбуждения уголовного дела, в частности в том неизменном виде, в котором она впервые получила законодательное закрепление в УПК РСФР 1960 г. Например, В.М. Быков, не усматривая разумных аргументов для ликвидации этого этапа уголовно-процессуальной деятельности, отмечает важную роль данной стадии в обеспечении подлинной законности и обоснованности всего последующего досудебного производства [2]. В.С. Шадрин, обращая внимание на ряд существенных практических

проблем, возникших в связи с ликвидацией стадии возбуждения уголовного дела на Украине, предостерегает российского законодателя от подобных ошибок. Одновременно автор не без оснований полагает, что формальная отмена указанного этапа уголовного-процессуальной деятельности не принесет никаких позитивных последствий, поскольку приведет лишь к практике поголовного прекращения неправомерно начатых следственных производств [21]. Достаточно интересную позицию по этому вопросу высказывает А.Г. Волеводз. Неразумность ликвидации стадии возбуждения уголовного дела ученый очень убедительно мотивирует сугубо экономическими факторами – гигантскими расходами и затратами, которые существенным образом будут обременять и без того достаточно ограниченный федеральный бюджет [5].

В современной научной доктрине имеется и еще одна, как бы нейтральная точка зрения. Ее приверженцы, отказываясь от полярных высказываний, предполагающих безоговорочное сохранение или безусловную ликвидацию стадии возбуждения уголовного дела, считают целесообразным продолжение научной дискуссии, направленной на совершенствование процессуальной регламентации дебютного этапа досудебного производства [3].

Отдавая должное каждой из вышеуказанных научных позиций, признавая разумность всех приводимых доводов и аргументов, автор настоящей статьи все-таки в целом всегда склонялся и продолжает склоняться к точке зрения, предполагающей необходимость ликвидации стадии возбуждения уголовного дела как автономной системы уголовно-процессуальных механизмов, регламентированных самостоятельным институтом уголовно-процессуального права. Тем более, что за последние годы в нормативную регламентацию стадии возбуждения уголовного дела ввиду объективных потребностей следственной практики был внесен целый ряд давно назревших изменений и дополнений, связанных с расширением перечня следственных и иных процессуальных действий, допускаемых в ходе доследственной проверки сообщения о преступлении, и таким образом, постепенно лишающих эту стадию прежней самостоятельности, превращающих ее некое «квазирасследование»⁴.

Однако, представляется, что подобные законотворческие шаги являются не более чем полумерами, не способными полностью устраниТЬ существующие противоречия и избавить следственную практику от возникающих трудностей. Равно как и вышеупомянутые научные позиции предполагают достаточно импульсивный подход, обусловленный стремлением сиюминутного решения зреющих годами проблем (экстренного «затыкания дыр»), желанием «малой кровью», посредством фрагментарных изменений уголовно-процессуального законодательных быстро добиться определённого результата. При этом в публикациях уважаемых авторов, ратующих за отказ от процедуры возбуждения уголовного дела в современном понимании по примеру Грузии, Украины, Казахстана, Киргизии и других постсоветских государств, не выявляются глубинные причины, предопределившие введение данной стадии в систему уголовно-процессуального регулирования, а ее возникновение зачастую объясняется лишь неким непонятным «чудацеством» советского законодателя, пожелавшего сконструировать отличающуюся от западных аналогов свою собственную модель досудебного производства. Кстати, во-многом это связано с тем, что советские ученые, стоявшие у истоков формирования стадии возбуждения уголовного дела, особо не утруждали себя мотивацией

⁴Федеральный закон от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»; Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» и др.

своих намерений, а в свойственной для того времени достаточно лозунговой манере безапелляционно заявляли о безусловной пользе данных механизмов, способствующих укреплению социалистической законности.

Вместе с тем такие глубинные причины существуют. И они напрямую связаны с особенностями формировавшейся начиная с 1920-х гг. национальной системы досудебного производства. В своих предыдущих публикациях автор настоящей статьи уже неоднократно отмечал, что ввиду целого ряда факторов и исторических катализмов XX в. в Российской Федерации сформировалась достаточно уникальная, самобытная система досудебного производства, обусловленная хаотичным смешением, переплетением элементов, присущих разным моделям и вариантам уголовного-процессуальной деятельности, которая выражается в интеграции функций «полиции» и «юстиции», в частности в наделении «силовых» министерств и ведомств процессуальными полномочиями судебно-следственного характера по собиранию полноценных доказательств и их депонированию для предстоящего судебного разбирательства[15]. Подобный синтез различных и подчас весьма плохо сочетаемых элементов, закономерно предопределил необходимость разработки и введения в сферу уголовно-процессуального регулирования целого ряда амортизирующих юридических механизмов, своеобразных изобретений отечественной уголовно-процессуальной доктрины и правоприменительной практики, позволяющих несколько сгладить, нивелировать возникшие противоречия. Причем одним из этих изобретений как раз и является стадия возбуждения уголовного дела, выполнявшая и продолжающая выполнять роль юридической границы между непроцессуальной и процессуальной деятельностью по сути одних и тех же правоохранительных органов.

В этом свете целесообразно обратить внимание на практику функционирования рассматриваемой стадии и в других странах постсоветского пространства, а в частности, в УПК Республики Узбекистан.

Следует отметить, что проводимая в республике в последнее время реформаторская деятельность по преобразованию института возбуждения уголовного дела находится в сфере перманентного конфликта, связанного, с одной стороны, с потребностью в изобличении лица, виновного в совершении преступления, и ограждением вовлекаемой в уголовно-процессуальную деятельность личности от необоснованного ограничения ее естественных прав и свобод. Способом, посредством которого уголовно-процессуальное право разрешает такого рода конфликты, является компромисс, предполагающий установление баланса интересов на основе взаимных уступок друг другу.

Вместе с тем, узбекский законодатель к поиску компромисса в этом вопросе подошел явно односторонне. Увеличив набор следственных действий, производимых на стадии возбуждения уголовного дела, он весьма поверхностно определил объем правомочий лиц, принимающих участие в данных следственных действиях. Отсутствие четко определенного статуса участников стадии возбуждения уголовного дела не только создает угрозу нарушения прав и законных интересов личности, но и формально блокирует возможность проведения некоторых следственных действий на этом этапе уголовно-процессуальной деятельности.

В действующем УПК Республики Узбекистан в связи с началом производства по делу употребляется понятие «возбуждение уголовного дела». Но, тем не менее, в национальном уголовно-процессуальном законодательстве содержание этого термина не раскрывается и нет точного определения. Между тем, теория уголовного процесса определяет его в качестве сложного понятия, имеющего несколько смысловых значений. Обычно под возбуждением уголовного дела принято считать в качестве первоначальной стадии

уголовного судопроизводства; отдельного процессуального решения, с принятием которого начинается уголовное преследование; отдельного уголовно-процессуального института имеющую свою природу правоотношений [17].

В этой связи нетрудно заметить, что для большинства зарубежных государств, использующих романо-германскую модель досудебного производства по уголовному делу, подобная стадия действительно является излишней. Так, для французского уголовного процесса грань между полицейским дознанием и предварительным следствием (между функциями «полиции» и «юстиции») и без того достаточно осозаема – ввиду нахождения соответствующих полномочий в компетенции принципиально разных органов государственной власти – полиции и следственного судьи. Немецкий уголовный процесс, предполагающий частичное смешение указанных функций, тоже не нуждается в их жестком разграничении, так как ни прокуратура, ни полиция, осуществляющие досудебное производство, в ходе своей процессуальной деятельности не вправе формировать полноценные судебные доказательства или существенно ограничивать права личности.

И только возникшие после Октябрьской революции тенденции развития советской системы досудебного производства, обусловившие потребность в возникновении некой юридической грани между непроцессуальной и процессуальной деятельностью по сути одних и тех же правоохранительных органов, закономерно предопределили постепенное внедрение в сферу уголовно-процессуального регулирования механизмов возбуждения уголовного дела, которые стали постепенно вводиться в следственную практику начиная с середины 1930-х гг.⁵ и были окончательно сформированы к моменту известной реформы советского судопроизводства, проведенной на рубеже 1950-х-1960-х гг., получив законодательное закрепление в УПК РСФСР 1960 г., в уголовно-процессуальных кодексах других союзных республик, а также уголовно-процессуальных кодексах ряда социалистических государств, например, Монголии.

Таким образом, и вопрос о существовании стадии возбуждения головного дела и все связанные с ней доктринальные и нормативно-правовые противоречия могут быть окончательно разрешены лишь посредством изменения концептуальных подходов к построению национальной системы досудебного производства и четкого понимания перспектив ее дальнейшего развития в духе, соответствующем интересам российского общества и государства. Какими должны быть эти подходы и перспективы? Нужно ли перестраивать всю систему органов предварительного расследования по французскому образцу, заменив нынешних следователей следственными судьями (судебными следователями) и лишив органы дознания юрисдикционных полномочий? Или необходимо, наоборот, взяв за основу немецкую модель досудебного производства, полностью передать соответствующие полномочия в ведение прокурора и органов дознания? Или, может быть, стоит пойти третьим путем, создав на базе Следственного комитета РФ единый и независимый орган предварительного расследования, кардинально изменив принципы его организации и деятельности? Ответы на все эти вопросы представляются весьма сложными и неоднозначными, требуют проведения фундаментальных исследований, явно выходящих за предмет настоящей статьи. Хотя, по нашему мнению, в решении данных проблем следует придерживаться умеренного консерватизма, стараясь по возможности сохранить все «плюсы» советской системы досудебного производства и используя богатый опыт, накопленный в этой сфере за многие годы.

⁵ Циркуляр прокуратуры СССР от 5 июня 1937 г. № 41/26.

В уголовно-процессуальной науке Узбекистана также бытуют научные воззрения, о том, что, хотя стадия возбуждения уголовного дела и отсутствует во многих зарубежных странах, но данные аргументы нельзя признать убедительными, так как Узбекистан имеет свой исторический опыт, свои национальные традиции, специфичный уклад жизни населения и т.д. Однако международный опыт регламентации первоначального этапа уголовного судопроизводства, может быть для Узбекистана, в определенной степени, весьма полезным, что в свою очередь может повлечь определенные изменения действующего законодательства. Хотелось бы особо отметить, что, решая вопрос об использовании в национальном уголовном судопроизводстве тех или иных правовых институтов, процессуальных норм, существующих в других странах, следует исходить не только из теоретических воззрений, а учитывать все иные условия их реализации в уголовном процессе Узбекистана [17].

Особенно в пору завершения работы по разработке нового Уголовно-процессуального кодекса Республики Узбекистан, именно сейчас важно учесть и предупредить все существующие в судебно-следственной практике риски, связанные с реформированием стадии возбуждения уголовного дела. В данном случае, справедливо констатировать, что в проекте нового УПК Республики Узбекистан институт возбуждения уголовного дела хотя и пересмотрен в некоторой степени, но все же сохранен в качестве самостоятельной стадии уголовного судопроизводства. Напротив, основные новеллы данной стадии предлагают более конструктивные и удобные, на наш взгляд, алгоритмы применения соответствующими субъектами норм закона.

В любом случае ясно одно – законодателю необходимо прекратить правотворческие метания, политику хаотичного смешения различных, в том числе плохо совместимых, элементов, относящихся к разным типам уголовного процесса, и, наконец, остановиться на какой-то единой модели, наиболее подходящей закономерностям и реалиям существования и развития современного государства. Более того, по нашему глубокому убеждению, реформирование досудебного производства в целом и стадии возбуждения уголовного дела в частности должно носить не сугубо организационно-правовой, а комплексный характер. И начинать его нужно не с внесения порции очередных поправок в Уголовно-процессуальный кодекс либо другие нормативные правовые акты, а с пересмотра государственной идеологии в отношении профессий дознавателя и следователя, с повышения уровня их профессионализма посредством подготовки и воспитания юристов-государственников нового поколения, обладающих наряду с глубокими знаниями, умениями и навыками высоким уровнем нравственности, правосознания, правопонимания и ответственности, так необходимых для решения непростых задач уголовного судопроизводства[18].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Бозров В.М. Лабиринты первой процессуальной стадии // Уголовное право. – 2005. – № 2. – С. 73–74.
2. Быков В.М. Проблемы стадии возбуждения уголовного дела // Журнал российского права. – 2006. – № 7. – С. 53–67.
3. Васюков В.Ф., Марковичева Е.В. Проблемные вопросы возбуждения уголовных дел на современном этапе. – М.: Проспект, 2016. – 80 с.
4. Вицин С.Е. Институт возбуждения уголовного дела в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. – 2003. – № 6. – С. 54–56.
5. Волеводз А.Г. Упразднение стадии возбуждения уголовного дела: цена вопроса // Уголовный процесс. – 2014. – № 1. – С. 80–83.

6. Гаврилов Б.Я. Влияние института возбуждения уголовного дела на состояние борьбы с преступностью // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXIV международной научно-практической конференции / отв. ред. Д.В. Ким. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2021. – С. 175–177.
7. Гаврилов Б.Я. Современное уголовно-процессуальное законодательство и реалии его правоприменения // Российский следователь. 2010. № 15. С. 17–19.
8. Гирько С.И. О некоторых проблемных вопросах процессуальной регламентации ускоренного досудебного производства // Российский следователь. – 2010. – № 15. – С. 14–16
9. Деришев Ю.В. Стадия возбуждения уголовного дела реликт социалистической законности // Российская юстиция. – 2003. – № 8. – С. 34–36.
10. Дикарев И.С. Стадия возбуждения уголовного дела – причина неоправданных проблем расследования // Российская юстиция. – 2011. – № 11. – С. 38–40.
11. Колоколов Н.А. Уголовное судопроизводство: стратегия и тактика // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 4. – С. 79–84.
12. Корнуков В.М., Лазарев В.А., Холodenко В.Д. Возбуждение уголовного дела в системе уголовно-процессуальной деятельности. – Саратов: СГАП, 2002. – 156 с.
13. Кругликов А.П. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России? // Российская юстиция. – 2011. – № 6. – С. 56–59.
14. Ляхов Ю.А. Правовое регулирование стадии возбуждения уголовного дела. – М.: Приор-Издат, 2005. – 72 с.
15. Россинский С.Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств. – М.: Норма, 2021. – 408 с.
16. Россинский С.Б. Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход. М.: Проспект, 2019. – 192 с.
17. Худайбергенов Б. Правовая природа отношений, регулируемых институтом возбуждения уголовного дела. // Отечественная юриспруденция, - 2020. -№1 (40). С.34.
18. Россинский С.Б. Каким должен быть российский следователь? (к 25-летию Концепции судебной реформы РСФСР) // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 10. – С. 93–100.
19. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. – Т.2. – М.: Наука, 1970. – 516 с.
20. Федоров А.В. Нужна ли по делам о наркокриминальных стадия возбуждения уголовного дела? // Наркоконтроль. – 2017. – № 1. – С. 3–17.
21. Шадрин В.С. Судьба стадии возбуждения уголовного дела // Законность. – 2015. – № 1. – С. 47–51.